

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 903.7(470)(=161)''639''

СЛАВЯНСКИЕ ИДОЛЫ (К ИЗУЧЕНИЮ МОНУМЕНТАЛЬНОГО ИСКУССТВА СЛАВЯН VI–IX вв.)

Н. В. Жилина

Институт археологии Российской академии наук, Отдел средневековой археологии, г. Москва, Россия

Предложена стадийная и формально-стилистическая классификация славянских идолов. Основные выделенные ступени соответствуют этапам развития славянских языческих религиозных представлений и демонстрируют возникновение монументальной скульптуры.

На первой стадии формируется антропоморфный образ бога, наблюдаются идолы низких и высоких пропорций из камня и дерева с изображением лица и головы. Они соответствуют небольшим коллективам, территориальным и семейным общинам, профессиональным группам, возникающим в эпоху разложения первобытного строя. На второй стадии у идолов выработан канон позы, атрибуты, регалии, преимущественно они представляют собой односторонние изваяния. Эти идолы соответствуют развивающемуся пантеону языческих богов. На третьей стадии возникают четырехсторонние идолы, своей композицией отражающие представление о мире и системе соподчиненности богов.

Ключевые слова: идолы, камень, дерево, классификация, тип, атрибуты, язычество, скульптура, эстетика, государство.

В VI–IX вв. у восточных славян шёл активный процесс социального и предгосударственного развития, они соприкасались с культурами широкого спектра от первобытности до мировых империй, были активны на политической арене, а также полноценно участвовали и в творческом процессе развития европейского искусства.

В дополнение к существующим общим очеркам славянского искусства¹ необходимо проделать более конкретный анализ его видов и жанров.

¹ *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. Истоки и становление. I век до нашей эры – XIII век нашей эры. М., 1977; *Лившиц Л. И.* Искусство восточных славян // Русское искусство X–XVII вв. М., 2000. Т. 1.; *Петрухин В. Я.* Дохристианские древности: по археологическим материалам. IV–X века // История русского искусства: в 22 т. М., 2007. Т. 1.

Vasilenko V. M., *Russkoe prikladnoe iskusstvo. Istoki i stanovlenie. I vek do nashej ery – XIII vek nashej ery*, М., 1977; *Livshits L. I.*, *Iskusstvo vostochnych slavjan*, *Russkoe iskusstvo X–XVII vv.*, Tom 1, М., 2000; *Petruchin V. Ja.*, *Dochristianskie drevnosti: po*

В данной статье анализируется развитие монументальной языческой скульптуры славян.

В рассматриваемый период славянское искусство сохраняет черты первобытного, близко, но не абсолютно соответствует понятию «народное». С первобытным искусством его роднит наличие обобщённой скульптурной пластики, имевшей, вероятно, ритуальное значение. Из разряда лепных изделий известны самые простые изображения – ритуальные хлебцы корчакской культуры и небольшие фигурки животных и человека из обожжённой глины пеньковской культуры. Они вылеплены из одного комка, изображение схематичное и стилизованное, хотя отдельные фигуры имеют признаки реализма (поселение Ханска-II)². Обобщённость трактовки художественной формы продолжается и в более позднее время, она составляет постоянный фон и базу для более сложных видов искусства с детализированными и разработанными формами. Обобщённая пластика подводит к правильному пониманию пропорций и объёмов изображаемого.

Народная структура славянского искусства уже в эти ранние века существенно дополнялась элитарным уровнем, выражающимся: 1) в приобретении и создании предметов престижа для знати (одежда, экипировка); 2) появлении стилей в местном прикладном искусстве на базе возрастания профессионализма мастеров и выделения технологически сложных ремесел; 3) создании произведений с идеей власти – монументальной скульптуры – изображений идолов. Эти признаки, читаемые по археологическому материалу, важны и как показатели социального и предгосударственного развития.

Наиболее ярко процесс социального и политического развития отразился в монументальном искусстве. У славян в рассматриваемый период начался процесс формирования антропоморфного многобожия. К VI в. они, согласно сведениям Прокопия Кесарийского, поклонялись главному богу-громовержцу, другим богам, нимфам и рекам³. В данной характеристике отчетливо показано наличие анимистических представлений. Духи, различные хозяева природных угодий – леса, реки, поля и т. п. – могли не иметь чётко выраженного внешнего облика и определённого изображения. Представление о них могло быть аморфным, в значительной мере мыслимым. Таковыми обычно бывают духи-покровители основных занятий насе-

archeologicheskim materialam. IV–X veka, Istorija Russkogo iskusstva, V 22 t., T. 1, Iskusstvo Kievskoj Rusi. IX – pervaja chetvert' XII veka, M., 2007.

² *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 16, 264; *Динцес Л. А.* Древние черты в русском народном искусстве // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 466, 482.

Sedov V. V., Vostochnye slavjane v VI–XIII vv., M., 1982, С. 16, 264; *Dintsjes L. A., Drevnie cherty v russkom narodnom iskusstve*, Istotija kultury Drevnej Rusi, M.; L., 1951, T. 2, S. 466, 482.

³ Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1: I–VI вв. С. 183–185.

Svod drevnejshikh pis'mennykh isvestij o slavjanakh, M., 1991, T. 1: I–VI vv., S. 183–185.

ления и связанных с ними стихий⁴. Поскольку упомянут только один бог грома, можно предполагать здесь антропоморфного Перуна.

Тенденция к антропоморфизму типична для языческого искусства. Она проявляется в антропоморфном восприятии урн в языческом погребальном обряде, в представлении о глиняной морде Бабы Яги в славянском фольклоре⁵. Проявление антропоморфизма в прикладном и ювелирном искусстве является отдельной темой исследований.

Антропоморфизм отразился и в монументальном искусстве. Сведений о станковом изобразительном искусстве древних славян практически нет⁶. Но письменные и изобразительные источники воссоздают картину интереса славян-язычников к антропоморфным и скульптурным изображениям. После крещения Руси в 988 г. наряду с предметами христианского культа князь Владимир вывез из Корсуня статуи, определённые в летописи как две медные «капищи», а также четырёх медных коней и установил их за церковью святой Богородицы в Киеве⁷. «Слово об идолах» святого Григория содержит единственное свидетельство о станковой живописи языческого периода, в котором осуждается поклонение язычников живописному изображению жены в человеческом образе⁸.

По мнению исследователей, на первых русских монетах конца X – начала XI в. отразился либо древнейший портрет князя Владимира, либо его монументальный образ, сохранивший черты языческого идола⁹.

Если при создании украшений и художественном оформлении бытовых предметов главным для мастера был принцип ритмизации, совершенствования декоративной формы, то при создании сакральных знаковых изображений, в том числе идолов, наоборот, делался искажающий гармо-

⁴ Токарев С. А. Ранние формы религии. М., 1993. С. 238, 239.

Tozarev S. A., *Rannie formy religii*, M., 1993, S. 238, 239.

⁵ Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013. С. 292, 293, 302.

Petruchin V. Ja., *Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvanija varyagov do vybora very*, M., 2013, S. 292, 293, 302.

⁶ Каргер М. К. Живопись // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 2. С. 341.

Karger M.K., *Zhivopis'*, Istorija kultury Drevnej Rusi, M.; L., 1951, T. 2, S. 341.

⁷ Библиотека литературы Древней Руси. С. 161.

Biblioteka literatury Drevnej Rusi, S. 161.

⁸ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. М., 2003. С. 386; Динцес Л. А. Указ. соч. С. 474.

Anichkov E. V., *Jazychestvo i Drevnjaja Rus'*, M., 2003, S. 386; Dintses L. A., *Op. cit.*, S. 474.

⁹ Молчанов А. А. К вопросу о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1973. № 3. С. 72–86; Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983. С. 60, 61.

Molchanov A. A., *K voprosu o chudozhestvennykh osobennostjakh i portretnosti izobrazhenij na drevnejshikh russkikh monetakh*, Vestnik MGU, Serija IX, Istorija, 1973, № 3, S. 72–86; Sotnikova M. P., Spasskij I. G., *Tysjacheletie drevnejshikh monet Rossii. Svodnyj katalog russkikh monet X–XI vekov.*, L., 1983, S. 60, 61.

ничную форму акцент на главном, декоративность практически отсутствовала. Идолы некрасивы. Их форма организована главным образом в связи со смыслом.

Изображается либо только укрупненная голова, черты лица нанесены резко и определённо, как правило, выделены крупные носы. Такие принципы изображений мужчин-воинов или вождей племён известны с эпохи бронзового и железного веков. Изображение гипертрофированно выделяет часть формы, считающуюся самой важной, заслоняющую всё остальное. Акцентирование формой отлично от первобытного реализма, соблюдавшего правильные пропорции изображаемых существ. Но именно резкий акцент, уводящий от гармонии и от природы, сообщающий относительно реалистическому изображению экспрессию, свидетельствует о несении изображением смысла.

Реальная история изображения языческих богов прошла путь в связи с развитием общества и в соответствии с отношением к ним людей. Можно предложить типологию этих изображений на основе изучения их скуповатой стилистики. Кроме известных идолов славяно-русского периода – Збручского, Себежского, Псковского и Белозерского – к данной типологии подключено несколько идолов с территории Черняховской культуры. В качестве обоснований для этого привлечения можно привести следующее: это произведения древнего искусства с территории, которая в дальнейшем стала славянской, дата их создания непосредственно предшествует славянскому времени. Исследователи обратили внимание на сходство стилистики черняховских идолов со Збручским, что позволяет рассматривать их как прототипичные по отношению к нему¹⁰. В качестве аналогий восточнославянским идолам привлекаются также языческие изваяния западных славян, собранные А. Гейштором. Исследователь придает большое значение влияниям в распространении форм языческой монументальной скульптуры, отмечая, что раньше всего она появилась на восточно-славянской территории¹¹. На наш взгляд, языческая скульптура отражает конкретную собственную религию того или иного народа, поэтому при её рассмотрении обязательно должна допускаться конвергентность.

Реальная хронология бытования изваяний и их стадийное расположение в истории религии и искусства не всегда прямо совпадают. Роль и форма идола может консервироваться в связи с сохранением определённых

¹⁰ Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II–V ст. н.е. Київ, 1972. С. 104–118; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 130–132; Гейштор А. Мифология славян. М., 2014. С. 215, 218.

Vinokur I. S., *Istorija ta kultura chernjakhivskikh plemjon Dnistro-Dniprovskogo mezhirichchja II–V st. n.e.*, Kiyiv, 1972, S. 104–118; Rybakov B. A., *Jazychestvo Drevnej Rusi*, M., 1987, S. 130–132. Gejshtor A., *Mifoloija slavjan*, M., 2014, S. 215, 218.

¹¹ Гейштор А. Указ. соч. С. 211–222, илл. 1–8, 13, 14.

Gejshtor A., *Op. cit.*, S. 211–222, Ill. 1–8, 13, 14.

общественных структур и соответствующих им верований в качестве пережитка в рамках более развитых форм религий.

Б. А. Рыбаков разделял скульптуры идолов по охвату фигуры на две группы: с изображением головы, с изображением во весь рост; а по содержанию изображения – на три категории: с рогом, фаллические с едва намеченной личиной и без особых признаков¹².

В данной работе предлагается деление идолов на три общие стадии. Изваяния первой стадии объединяются только наличием антропоморфизма. Вероятно, они фиксируют его начало в отображении богов. Изображение, как правило, не показывает всю человеческую фигуру, давая лишь слабое указание на человекоподобность. К идолам этой стадии можно отнести меткие характеристики исследователей, что идолы мало отличимы от камней, рельефы еле намечены¹³. По мнению Б. А. Рыбакова, форма этих идолов указывает на связь с идеей плодородия¹⁴. Создателям достаточно грубо выделить голову и лицо, редко и еле заметно наносятся руки. В изображении передаются знаковые элементы, важные для осуществления мыслимой связи бога с человеческим миром.

Изображения первой стадии можно разделить на два типа. Идолы первого типа преимущественно имеют низкие пропорции, они каменные (рис. 1)¹⁵. Наиболее просто изваяние из Псковского Завеличья: два округлых глаза намечены линейно, для одного использована кварцитовая конкреция в валуне, прямой нос и овальный подбородок, две трещины – усы. Идол найден в материковой яме, под слоем разрушения построек Ильинского монастыря, возникшего на рубеже XIII–XIV вв. Характер находок – украшения и предметы культа – свидетельствует о сакральном характере участка. Языческий культовый объект закончил здесь функционирование к XI в., после чего, не позднее XIII в., произошло закапывание и разрушение идола (рис. 1: 1)¹⁶.

¹² Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 232–234.

Рыбаков В. А., *Op. cit.*, М., 1987, S. 232–234.

¹³ Лившиц Л. И. Указ. соч. С. 8.; Василенко В. М. Указ. соч. С. 112.

Livshits L. I., *Op. cit.*, S. 8; Vasilenko V. M., *Op. cit.*, S. 112.

¹⁴ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 234.

Рыбаков В. А., *Op. cit.*, М., 1987, S. 234.

¹⁵ Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королева Э. В. Псков // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012, рис. 13; Рыбаков Б. А. Указ. соч. Рис. 47:2; Винокур И. С. Указ. соч. Рис. 40; Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. Рис. 27:2; Гейштор А. Указ. соч. Илл. 7, 13, 2.

Yakovleva E. A., Salmina E. V., Korolyova E. V., *Pskov, Rus' v IX–X vekakh, Arkheologicheskaja panorama*, M., Vologda, 2012, Ris. 13; Rybakov V. A., *Op. cit.*, Ris. 47: 2; Vinokur I. S., *Op. cit.*, Ris. 40; Zakharov S. D., *Drevnerusskij gorod Beloozero*, M., 2004. Ris. 27: 2; Gejshtor A., *Op. cit.*, Ill. 7, 13, 2.

¹⁶ Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королева Э. В. Указ. соч. С. 154, 155. Рис. 13.

Yakovleva E. A., Salmina E. V., Korolyova E. V., *Op. cit.*, S. 154, 155, Ris. 13.

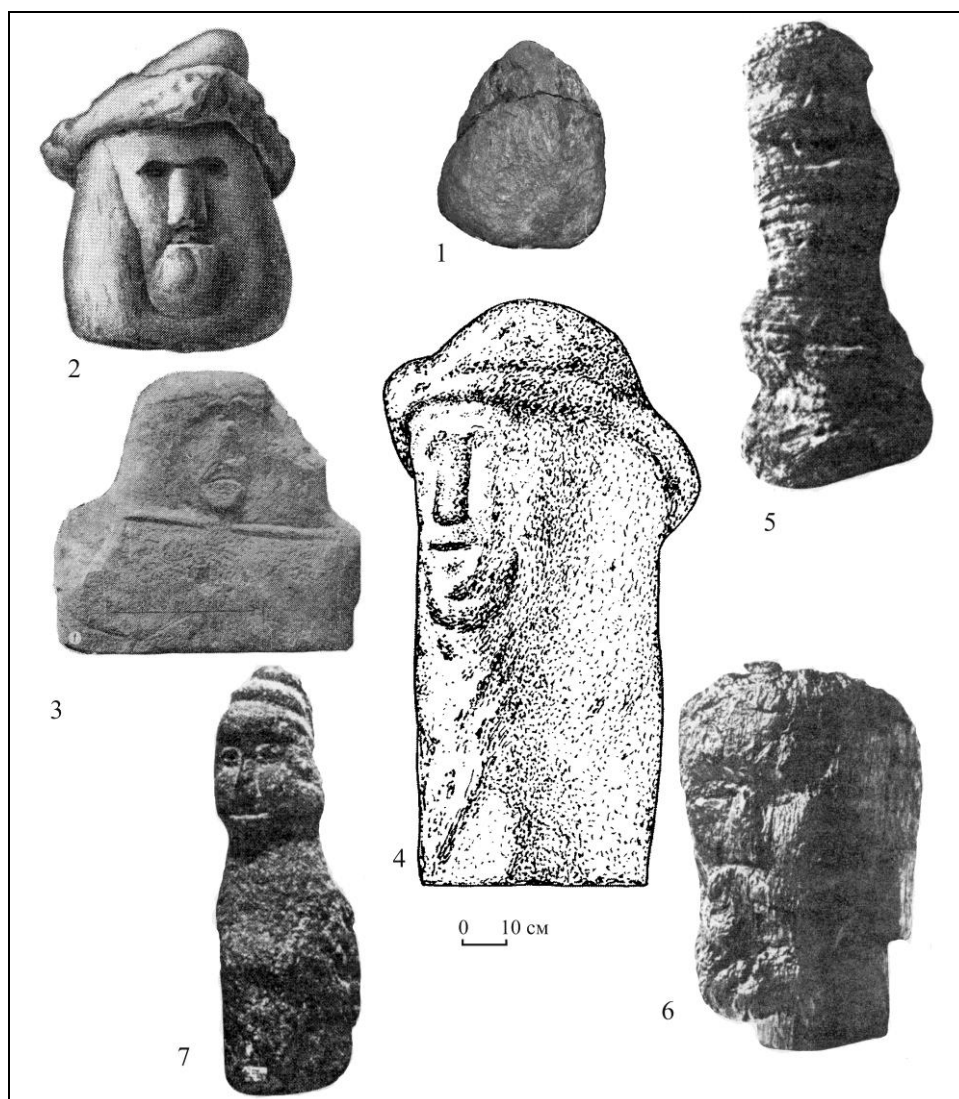

Рис. 1. Каменные идолы низких пропорций с изображением лица: 1 – Псков, Завеличье; 2 – Псковская обл., Себежский идол; 3 – идол из Нижнего Ольчедаева, Винницкой обл.; 4 – идол из Белоозера; 5 – Лубово (Щецинек); 6 – Янков (Польша); 7 – Поверче (Польша) (для № 2, 3, 5–7 – масштаб условный)

С наиболее простыми идолами первого типа сопоставляется камень из Лубова (Щецинек), черты человеческого лица едва различимы (рис. 1: 5)¹⁷. Такие идолы являются чуть более сложной формой после камней с какими-либо знаками. Столбы без изображения, вероятно, также могли использоваться как идолы¹⁸.

¹⁷ Гейштор А. Указ. соч. С. 18. Илл. 7.

Gejshtor A., *Op. cit.*, S. 18, Ill. 7.

¹⁸ Там же. С. 112.

Два более выразительно выполненных идола, Себежский и Белозерский, очень сходны по оформлению лиц, оба имеют шапки с отворотом (рис. 1: 2, 4). Среди западнославянских изваяний можно указать аналогии, например голову с бородой из Янкова (Познань) (рис. 1: 6)¹⁹. Белозерский идол по общей форме приближается ко второму типу столпообразных, более высоких (рис. 1: 4).

Среди идолов второго типа есть каменные и деревянные (рис. 2)²⁰. Пропорционально более высокие идолы, выполненные из дерева, имеют чётко выделенное (даже несколько выдвинутое вперед относительно стержня-основы) изображение головы или лица, переход к голове отмечен декоративным сужением (рис. 2: 3, 5, 7).

В начале X в. Ибн-Фадлан выразительно охарактеризовал такого идола: деревяшка с лицом, похожим на человеческое²¹. Свидетельство Ибн-Фадлана очень хорошо сопоставляется с языческой деревянной скульптурой домовых или духов из Старой Ладogi и Новгорода VIII–XI вв. Среди неё имеются выразительные примеры именно «деревяшек с лицом»²² (рис. 2).

Сведения Ибн-Фадлана о наличии на святилище небольших кольев, на которые купцы вешают головы рогатого скота, находят связь с изображениями идолов и голов животных на столбах на черневом браслете из с. Городища. Соответствие описания и изображения на браслете почти буквальное: из текста Ибн-Фадлана ясно, что головы животных надеваются на деревянные кольца младших идолов или на кольца ограждения; на браслете показано, что один кол имеет и звериную голову, и человеческую личину (рис. 2: 6). Стилистика изображений конца XI – первой трети XIII в. иная, но важно сохранение памяти об этих реалиях и их смысле.

Ibid, S. 112.

¹⁹ *Гейштор А.* Указ. соч. С. 220. Илл. 13.

Gejshtor A., Op. cit., S. 220, Ill. 13.

²⁰ Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. М., 2012. № 335, 336; *Колчин Б. А.* Указ. соч. Рис. 17:6. Табл. 42: 1. № 233. Рис. 17: 2. № 230. Табл. 34: 1. № 224; *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. Рис. 140:г; *Гейштор А.* Указ. соч. Илл. 6.

Mech i zlatnik. K 1150-letiju zarozhdenija Drevneruskogo gosudarstva, М., 2012, № 335, 336; *Kolchin B. A., Op. cit., Ris. 17: 6, Tabl. 42: 1, № 233. Ris. 17: 2, № 230, Tabl. 34: 1, № 224; Rybakov B. A., Op. cit., Ris. 140: г; Gejshtor A., Op. cit., Ill. 6.*

²¹ *Ибн-Фадлан.* Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939. С. 79, 80; *Зеленин Д. К.* Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954 гг. М., 2004. С. 216.

Ibn-Fadlan, Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu, М.; Л., 1939, S. 79, 80; *Zelenin D. K., Izbrannye Trudy. Statji po dukhovnoj culture 1934–1954 gg.*, М., 2004, S. 216.

²² *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево / Свод археологических источников (САИ). Е1–55. М., 1971. С. 41–44. Рис. 17; *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 234; *Петрухин В. Я.* 2013. Указ. соч. С. 356–358.

Kolchin B. A., Novgorodskie drebnosti. Reznoe derevo, Svod arkheologicheskikh istonchikov (SAI), Е1–55, М., 1971, S. 41–44, Ris. 17.

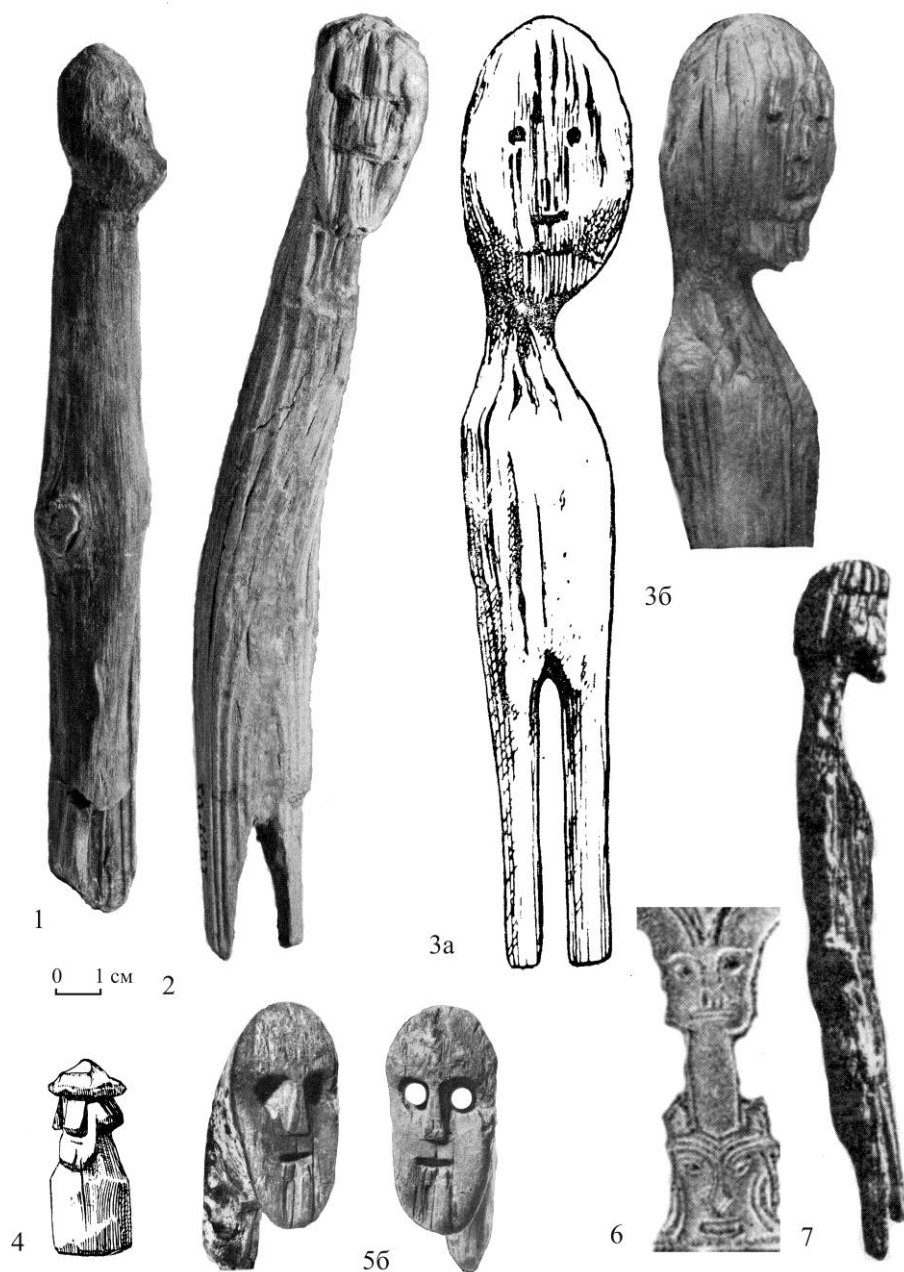

Рис. 2. Идолы с изображением головы и лица высоких пропорций: 1, 2 – Старая Ладога, VIII–IX вв.; 3–5 – Новгород, X–XI вв.; 6 – фрагмент браслета из с. Городища Хмельницкой обл.; 7 – Аль-Фризак (Потсдам) (для № 7 – масштаб условный)

Происхождение двух основных формальных типов идолов не случайно, здесь ощутима изначальная связанность с разницей материала, из которого изваяны идолы – камень и дерево. Точнее, типы закладываются основной формой заготовки, которую дают эти материалы: округлый невысокий камень – первый тип, длинное бревно – второй тип.

В дальнейшем каменные и деревянные идолы влияют друг на друга, формы становятся сходными, каменные приобретают большую высоту, деревянные могут быть небольшими. В этой связи чрезвычайно интересно замечание А. Гейштора о том, что по каменному Збручскому идолу чувствуются навыки работы мастера в резьбе по дереву²³.

Деревянные идолы из Новгорода и Старой Лядоги соответствуют стадияльно более раннему варианту семейного их использования в отдельных домах, поклонения семейным духам, сложившегося на стадии разложения первобытно-общинного строя. Деревянные и каменные изваяния были связаны и с погребальным культом²⁴.

Идолы первой стадии отражают появление представлений об антропоморфных божествах, ещё не вполне отделившихся от духов, поэтому они не полностью сходны с человеком. Схематичные ножки деревянных идолов вызваны не стремлением отобразить человеческую фигуру, а предназначены для втыкания в землю, как и сказано у Ибн-Фадлана. Интересные примеры изображения духов – демонов, сохраняющих черты животных, – происходят из Польши²⁵. Форма и конструкция их аналогичны антропоморфным идолам, что говорит и об аналогичном использовании и значении.

Антропоморфное многобожие у славян наиболее интенсивно развивалось, вероятно, в VIII–IX вв., когда их хозяйство и деятельность разнообразились в связи с развитием ремесла и торговли. Описанные Ибн-Фадланом благодарно-неблагодарные отношения русских купцов с богами показывают формирование богов-покровителей профессиональных групп. Черты таких верований аналогичны чертам промысловой магии²⁶. Но если промысловая магия соответствует определённому коллективу, то постоянное святилище купцов используется все новыми приезжающими купцами. Значит, эти боги общеизвестны среди представителей купеческого слоя или даже настолько общи и типичны, что могут служить людям разного происхождения. Однако выглядят они примерно так же, как деревянные новгородские.

²³ Гейштор А. Указ. соч. С. 213.

Gejshtor A., *Op. cit.*, S. 213.

²⁴ Велецкая Н. Н. Языческая символика антропоморфной ритуальной скульптуры (к вопросу о генезисе и трансформации атрибутов в славяно-балканских ритуальных действиях) // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 76–90.

Veletskaja N. N., *Jazyčeskaja simbolika antropomorfnoj ritual'noj skul'ptury (k voprosu o genezise i transformatsii atributov v slavyano-balkanskikh ritual'nykh dejstvakh)*, Kul'tura i iskusstvo srednevekovogo goroda, M., 1984, S. 76–90.

²⁵ Гейштор А. Указ. соч. С. 220. Илл. 12, 14.

Gejshtor A., *Op. cit.*, S. 220, Ill. 12, 14.

²⁶ Токарев С. А. Указ. соч. С. 227–231.

Tokarev S. A., *Op. cit.*, S. 227–231.

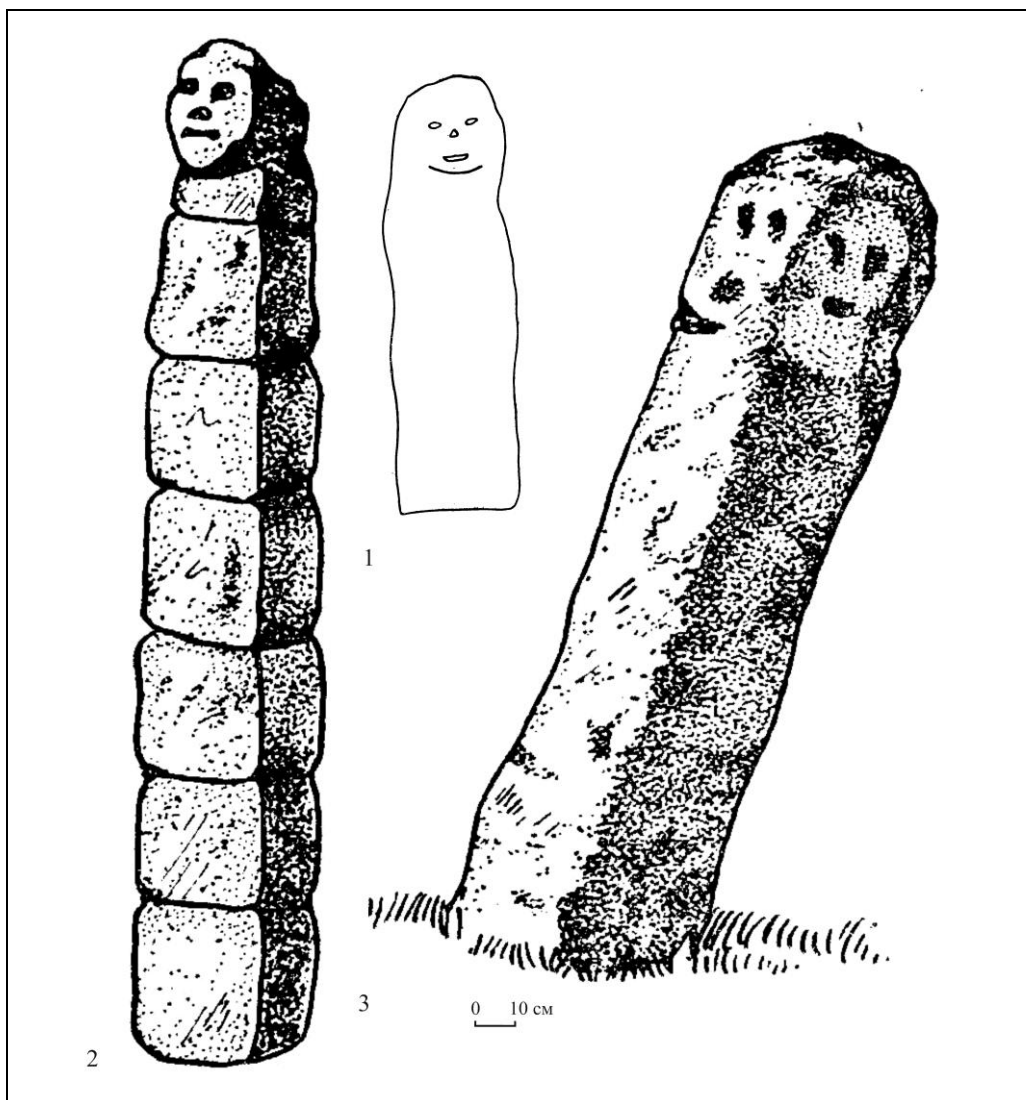

Рис. 3. Столпообразные каменные идолы с территории Черняховской культуры: 1 – Креминна Хмельницкой обл.; 2, 3 – Иванковцы.

Преимственность ощущается и в том, что идолы, покровительствующие купцам, сохраняют внутри себя принцип семейного родства, среди них есть глава семьи, жены и дети. Само по себе семейное объединение идолов показывает переход от родовых объединений к семейным, т. е. соответствует социальному развитию в направлении разложения родового строя. Но описанное Ибн-Фадланом святилище существует уже в государственную эпоху. В этих условиях семейная структура объединения богов продолжает своё существование в формах профессиональной магии.

Каменные столбообразные идолы с территории Черняховской культуры стояли на местных святилищах (рис. 3)²⁷. Они могли соответствовать территориальному объединению (общине). Наиболее типичны, видимо, односторонние, но есть и обращенные на несколько сторон, так как, вероятно, стояли в центре святилища (рис. 3: 3). Эстетическая потребность вызывает простейшую (например, линейную) орнаментацию (рис. 3: 2).

Среди материала полабских славян преобладают одноголовые изваяния, но присутствуют также двуликие и одноликие, в частности четырёхликие деревянные были предназначены для домашнего обихода²⁸. С данной стадией сопоставляются высокий дубовый идол ободритов с овальной головой из Мекленбурга X–XII вв., идолы в шапках из Альт-Фризака (Потсдам) VI–VII вв. и из Поверче (Польша), упоминаемые А. Гейштором (рис. 1: 7; 2: 7)²⁹.

Идолы первой стадии представляют собой сложившуюся модель власти над человеческим объединением – семьёй, территориальной общиной, профессиональной группой. Идолы – работающий элемент религиозной структуры, которая, по представлениям людей, реально существует. Одевание, украшение и кормление идола его задабривают. Задачей такого скульптурного произведения является обеспечение общения человека с божеством или духом, действие скульптуры в качестве бога, желаемые людьми изменения в реальном мире.

Идолы первой стадии использовались в небольших коллективах, имели местное значение и не сразу оказались отброшены с принятием христианства. Внутри семейной структуры языческие культы дольше сопротивлялись контролю со стороны церкви³⁰. Сторонники новой религии меньше боролись с ними ещё и потому, что они не входили в основной пантеон.

Идолы второй стадии, также дающие в основном односторонние изображения, отличаются тем, что в скульптуре выработан канон позы. Руки изваяний расположены параллельно друг другу по косой линии на груди (рис. 4)³¹. Такая поза рук собственно обеспечивает держание какого-либо предмета-атрибута перед собой. Атрибуты, свидетельствующие о специализации богов – рог, кольцо, предметы вооружения – по сути играют роль регалий конкретной власти богов над людьми и показывают характер этой власти в зависимости от роли бога. На идолах всё более регулярно отображаются элементы костюма. Шапка появлялась и на более ранней стадии

²⁷ *Винокур И. С.* Указ. соч. Рис. 34: 7, 4, 5.

Vinokur I. S., Op. cit., Ris. 34: 7, 4, 5.

²⁸ *Гейштор А.* Указ. соч. С. 217.

Gejshtor A., Op. cit., S. 217.

²⁹ Там же. С. 218. Илл. 2, 6.

Ibid, S. 218, Ill. 2, 6.

³⁰ Там же. С. 220.

Ibid, S. 220.

³¹ *Винокур И. С.* Указ. соч. Рис. 34: 1, 3, 6; *Гейштор А.* Указ. соч. Илл. 1.

Vinokur I. S., Op. cit., Ris. 34: 1, 3, 6; Gejshtor A., Op. cit., Ill. 1.

(рис. 1: 2, 4, 7). Вероятно, в этом также проявляется процесс получения богами регалий, и шапка является важнейшей из них.

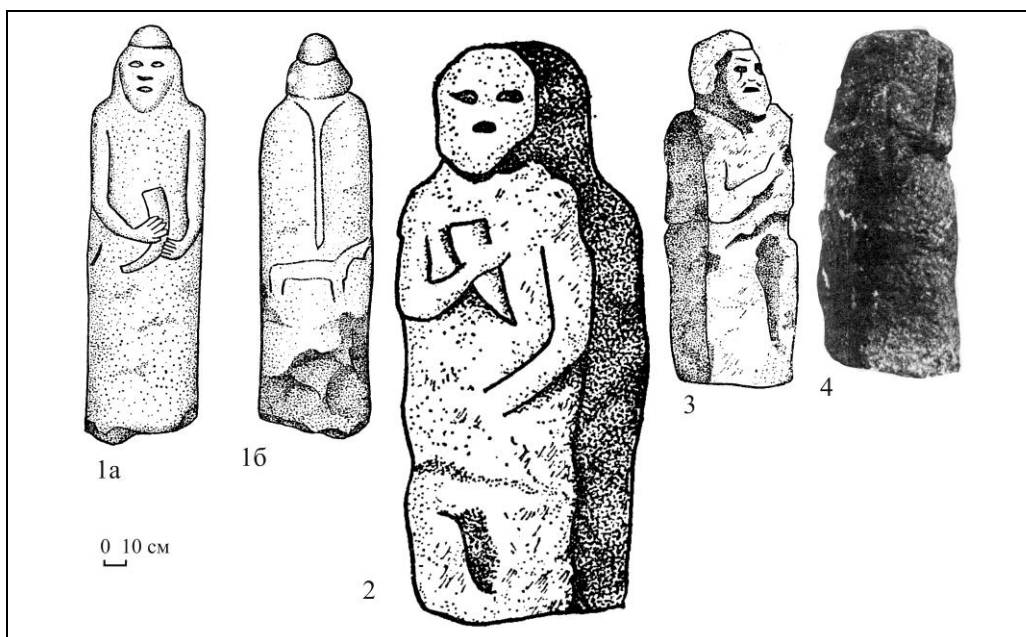

Рис. 4. Односторонние каменные идолы с территории Черняховской культуры: 1 – Ставчаны Хмельницкой обл.; 2 – Калнос Хмельницкой обл.; 3 – Иванковцы; 4 – Поверче (Польша) (для № 4 – масштаб условный)

Более конкретная форма изображения бога свидетельствует об устанавливающейся определённости его образа, функциях и месте в складывающемся пантеоне. Они становятся различимы и постоянны по своей роли. Это отражает усложняющийся социальный состав общества, соответствует всеобщему усиливающемуся разделению труда.

На третьей стадии скульптура является четырёхсторонней, четырёхликой, художественное оформление своей схемой раскрывает пространство: три яруса жизни, четыре стороны света, подземные существа, человек, боги. Примером является Збручский идол (рис. 5: 1)³². По мнению А. Гейштора, здесь отражается славянская языческая космогония. К сожалению, о другом крупном четырёхстороннем идоле сохранились лишь некоторые сведения³³. Четырёхсторонним является один из идолов Черняховской культуры из языческого комплекса в с. Иваньковцы, но он не имеет изображения ярусов³⁴.

³² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М. 1981. С. 462–464.

Rybakov B. A., *Jazychestvo drevnikh slavyan*, M., 1981, S. 462–464.

³³ Гейштор А. Указ. соч. С. 213, 214, 220.

Gejshtor A., *Op. cit.*, S. 213, 214, 220.

³⁴ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 131.

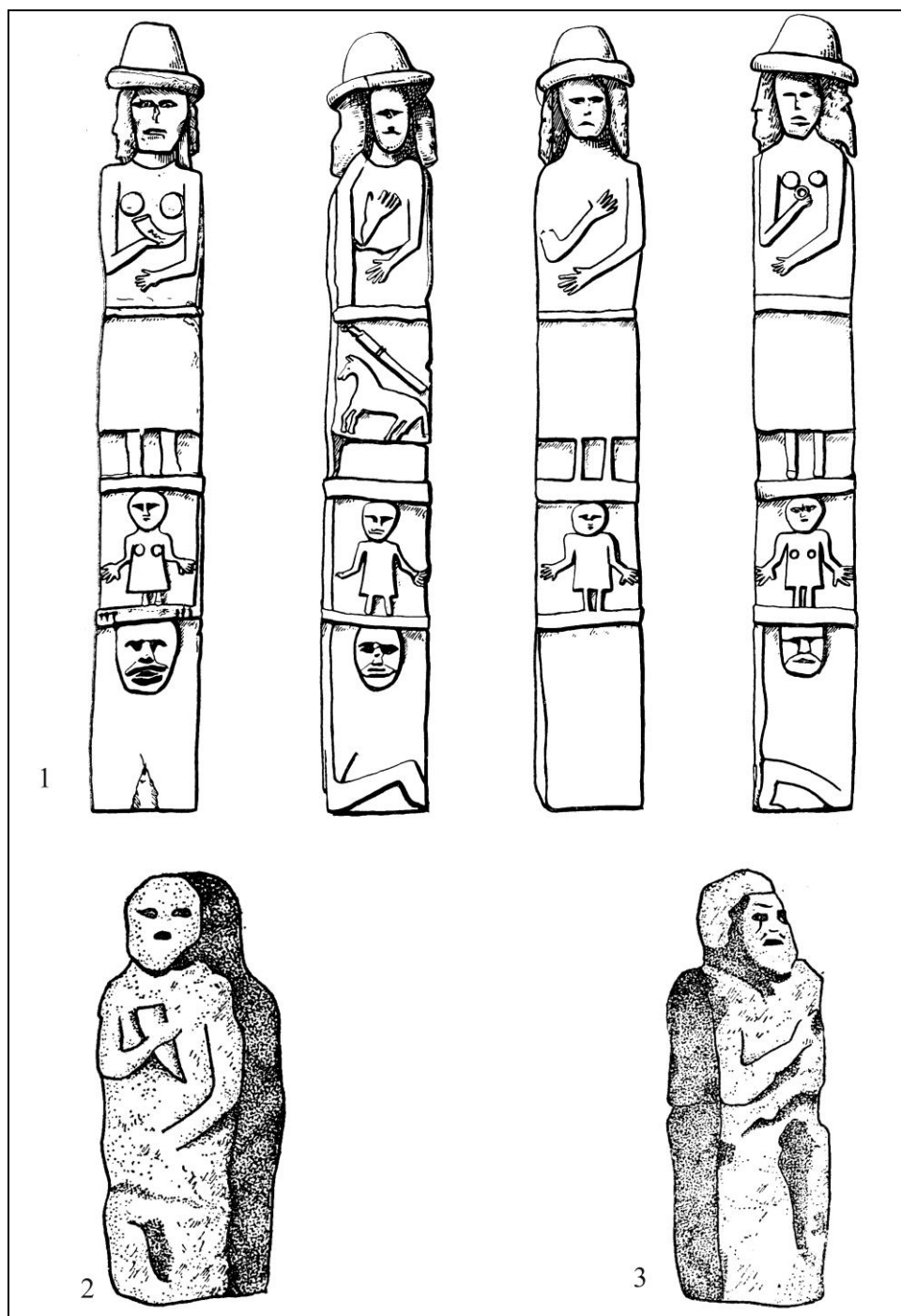

Рис. 5. Четырехсторонний идол: 1 – Збручский идол; 2 – Калюс Хмельницкой обл.; 3 – Иванковцы

Rybakov B. A., *Jazychestvo Drevnej Rusi*, S. 131.

Преимственность в изображении подтверждается тем, что боги второй стадии дают основу для отдельных сторон четырёхстороннего идола (рис. 5: 2, 3)³⁵. Збручский идол является высшим главным божеством, вбирающим в себя других богов, возможно рождающим их. Но это уже не буквальное следование форме семьи и родственных отношений в коллективе – это именно обозначение божественного происхождения и родства, высшей причины существования людей и мира.

Четырёхстороннее изображение соответствует и центральному положению идола на святилище: идола можно осмотреть со всех сторон, любой человек его видит. И идол как будто видит всех и всё. Это удобное положение и иконография для проведения идеи его власти над людьми. И эти принципы осуществляются в монументальном искусстве тогда, когда языческая религия вписывается в государственную структуру.

На государственный уровень древнерусское языческое искусство поднимается к концу X в., когда князь Владимир в 980 г. узаконил языческий пантеон, что было кратковременным апогеем восточнославянского язычества. Возвышающиеся над людьми боги властны и страшны. Изваяния и храмы достигают бьющего в глаза впечатления силы, величия и роскоши. Акцент стоит на грандиозности и общем драгоценном великолепии. Яркость, пестрота, изобилие, несоразмерность, монументальность – черты официального языческого искусства и эстетики. Нормы и гармонии всё меньше, излишеств всё больше.

Идолы «невообразимы», по впечатлению христианина Гельмольда³⁶. По свидетельству Масуди, для одного из идолов использовались драгоценные камни четырёх видов, а для храма применены красные кораллы и зелёные изумруды³⁷. Одна из голов идола Триглава в Штеттине, по свидетельству Оттона Бамбергского, была из золота, другие посеребрены³⁸. Так же описан в летописи и деревянный идол Перуна, поставленный князем Владимиром в Киеве в 980 г.: «голова его серебряна, а ус золот»³⁹. Сходное впечатление производила и хрисоэлефантинная техника скульптуры в Греции. Такие же черты выделяются и при описании идола в Библии в Книге

³⁵ Винокур I. С. Указ. соч. Рис. 34: 3, 6.

Vinokur I. S., *Op. cit.*, *Ris.* 34: 3, 6.

³⁶ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 186.

Ge'l'mold, *Slavyanskaya Khronika*, М., 1963, S. 186.

³⁷ Срезневский И. И. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков, 1846. С. 54, 55; Срезневский И. И. Архитектура храмов языческих славян // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1846. № 3. С. 45, 46.

Sreznevskij I. I., *Svjatilishcha i obrjady jazycheskogo bogoslužhenija drevnikh slavjan*, Khar'kov, 1846, S. 54, 55; Sreznevskij I. I., *Arkhitektura khramov jazycheskikh slavjan*, Chtenija v obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh, 1846, № 3, S. 45, 46.

³⁸ Срезневский И. И. Святилища и обряды... С. 57.

Sreznevskij I. I., *Svjatilishcha i obrjady*, S. 57.

³⁹ Библиотека литературы Древней Руси. С. 126, 127.

Biblioteka literatury Drevnej Rusi, S. 126, 127.

пророка Даниила: «... огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он... и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его – из серебра, чрева его и бедра его медные...»⁴⁰.

Монументальность и излишество в украшении свойственны и для славянской языческой архитектуры (описания храмов балтийских славян). Здания и изваяния огромны, отделочные материалы разнообразны и ярки, применялось много золота, драгоценных и полудрагоценных камней. В языческих храмах хранились пожертвованные драгоценности⁴¹. В 945 г. с этими сведениями сопоставляется факт о возложении золота в святилище Перуна в Киеве князем Игорем в сопровождении дружины и греческого посольства в качестве скрепления договора⁴². В число драгоценных даров на святилища входили золотые и серебряные слитки, монеты и украшения. Серебряный слиток киевского типа найден на святилище Звенигород⁴³.

Возникли драгоценные регалии богов: головные золотые диадемы и шейные гривны⁴⁴. На Вщижском святилище около ям для идолов найдены гривны, не бывшие в употреблении и не очищенные от ремесленных дефектов⁴⁵. Обильная чрезмерная красота была призвана не просто нравиться богам, но увеличивать их власть и божественную силу, подавлять отдельного человека, подчиняя его укрепляющейся политической власти.

В славянском фольклоре золотым волшебным становится всё самое сильное, важное и яркое в природном мире (когти, перья, яйца). Логичен вывод языческого сознания: и сам ювелирный материал силён. Драгоценное великолепие тождественно божественной силе. Вечная красота и магическая сила драгоценных материалов естественно соединились с божеством, золото стало символом власти не только бога, но и связанного с ним земного властителя, от которого к богу и попала. Правитель добывал золото и для своей дружины, и для бога. В язычестве не возникало противоре-

⁴⁰ Дан. 1: 31.

Дан. 1: 31.

⁴¹ Гельмольд. Указ соч. С. 45, 129; Срезневский И. И. Святилища и обряды... С. 61; Срезневский И. И. Архитектура храмов языческих славян. С. 46–48.

Gel'mold, *Op. cit.*, S. 45, 129; Sreznevskij I. I., *Svjatilishcha i obrjady...*, S. 61; Sreznevskij I. I., *Arkhitektura khramov jazycheskikh slavjan*, S. 46–48.

⁴² Библиотека литературы Древней Руси. С. 102, 103.

Biblioteka literatury Drevnej Rusi, S. 102, 103.

⁴³ Русанова И. П., Тимошук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 1993. С. 46. Рис. 57: 4.

Rusanova I. P., Timoshchuk B. A., *Jazycheskie svjatilishcha drevnikh slavjan*, M., 1993, S. 46, Ris. 57: 4.

⁴⁴ Срезневский И. И. Святилища и обряды... С. 45–51; Срезневский И. И. Архитектура храмов языческих славян. С. 56–61.

Sreznevskij I. I., *Svjatilishcha i obrjady...*, S. 45–51; Sreznevskij I. I., *Arkhitektura khramov jazycheskikh slavjan*, S. 56–61.

⁴⁵ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 157, 158.

Rybakov B. A., *Jazychestvo Drevnej Rusi*, S. 157, 158.

чий и соперничества между божественным и драгоценным, как это свойственно начальному христианству, одно естественно дополняло другое.

Необузданным и чудодейственным было в язычестве и музыкально-танцевальное искусство, кратко, но выразительно характеризующее письменными источниками. Языческая пляска относится к «бесовским играм»⁴⁶. Об этом говорят её характеристики в поучениях против язычества: «вертимое» и «сатаниное плясание». Музыка бубнов, сопел и гуслей сопровождается «чудесами бесовскими». Танцы и музыка должны осуществлять чудесное действие, также своеобразное овладение людьми, подчинение их. Языческие храмы славятся тем, «что бывает с людьми, когда эти звуки поражают их слух»⁴⁷. То, «что бывает», даже не названо, поскольку это трудно определимо на рациональном языке. В контекстах поучений определение танцев, как «бесовских», воспринимается не только с точки зрения несоответствия христианскому добру. Это слово доносит впечатление ненормального шума и необузданности движений и звуков. Такое впечатление создаёт и изображение языческой пляски на форме для черневого браслета из Серенска⁴⁸.

На уровне формирующейся государственности языческая эстетика выразилась в непомерном увеличении красоты и драгоценности произведений и уходе от общей гармонии. Выделилась сфера официального искусства, развились изобразительное искусство и монументальные жанры. Происходит становление монументального искусства, оформляются произведения с идеей власти, эстетикой силы и возбуждаемого ею страха.

Список литературы

1. *Аничков Е. В.* Язычество и Древняя Русь (репринтное издание 1914 г.) / послесловие В. Я. Петрухина. М.: Индрик. 2003.
2. *Велецкая Н. Н.* Языческая символика антропоморфной ритуальной скульптуры (к вопросу о генезисе и трансформации атрибутов в славяно-балканских и ритуальных действиях) // *Культура и искусство средневекового города*. М.: Наука. 1984. С. 76–90.
3. *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. Истоки и становление. I век до нашей эры – XIII век нашей эры. М.: Искусство. 1977.
4. *Гейштор А.* Мифология славян. М.: Весь мир. 2014.

⁴⁶ *Аничков Е. В.* Указ. соч. С. 251, 377, 380, 384; *Даркевич В. П.* Музыканты в искусстве Руси и вещей Боян // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 327, 328.

Anichkov E. V., Op. cit., S. 251, 377, 380, 384; Darkevich V. P., Muzykanty v iskusstve Rusi i veshchij Bojan, «Slovo o polku Igoreve» i ego vremja, M., 1985, S. 327, 328.

⁴⁷ *Аничков Е. В.* Указ. соч. С. 374; *Срезневский И. И.* Архитектура храмов языческих славян. С. 45.

Anichkov E.V., Op. cit., S. 374; Sreznevskij I. I., Arkhitektura khramov jazycheskikh slavjan, S. 45.

⁴⁸ *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. Рис. 138.

Rybakov B.A., Jazychestvo Drevnej Rusi, Ris. 138.

5. Даркевич В. П., Музыканты в искусстве Руси и вещей Боян // «Слово о полку Игореве» и его время. М.: Наука, 1985. С. 322–342.
6. Динцес Л. А. Древние черты в русском народном искусстве // История культуры Древней Руси. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. Т. 2. С. 465–491.
7. Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 2004.
8. Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1934–1954 гг. М.: Индрик, 2004.
9. Каргер М. К. Живопись // История культуры Древней Руси. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. Т. 2. С. 341–395.
10. Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево / Свод археологических источников. Е1–55. М.: Наука, 1971.
11. Лившиц Л. И. Искусство восточных славян // Русское искусство X–XVII вв. М.: Трилистник, 2000. Т. 1. С. 8–10.
12. Молчанов А. А. К вопросу о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах // Вестник МГУ. Серия IX: История. 1973. № 3. С. 72–86.
13. Петрухин В. Я. Дохристианские древности: по археологическим материалам. VI – IX века // История русского искусства: в 22 т. М.: Северный паломник, 2007. Т. 1: Искусство Киевской Руси. IX – первая четверть XII века. С. 39–79.
14. Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: ФОРУМ; Неолит, 2013.
15. Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. М.: Научно-исследовательский археологический центр «АРХЭ», 1993.
16. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука. 1981.
17. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука. 1987.
18. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М.: Наука, 1982.
19. Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1983.
20. Токарев С. А. Ранние формы религии. М.: Издательство политической литературы, 1993.
21. Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королева Э. В. Псков // Русь в IX – X веках. Археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 138–160.
22. Винокур I. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II – V ст. н.е. Київ: Наукова Думка, 1972.

**SLAVIC IDOLS (TO THE STUDY OF MONUMENTAL
SLAVONIC ART OF THE VI TH – IX TH CENTURIES)**

N. V. Zhilina

The Russian Academy of Sciences, The Institute of Archaeology, The Department of Medieval archeology, *Moscow, Russia*

The article suggests stadial and formal stylistic classification of Slavic idols. Basic selected steps correspond to the stages of development of Slavic pagan religious concepts and also demonstrate the process of emergence of Slavonic monumental sculpture. In the first stage, the anthropomorphic image of God was formed, there are idols of low and high proportions of stone and wood with figure of the face and head. They correspond to medium-sized teams, family and territorial communities, professional groups, emerging during the era of the decay of primitive society. In the second stage, the idols were characterized with canon of poses, attributes and regalia, they are mostly one-sided monuments. These idols correspond to the developing pantheon of pagan gods. In the third stage there are four-sided idols, their composition is reflected the view of the world and the system of subordination of the gods.

Keywords: *idols, stone, wood, classification, type, attributes, paganism, sculpture, aesthetics, state.*

Об авторе:

ЖИЛИНА Наталья Викторовна – доктор исторических наук, Отдел средневековой археологии, Институт археологии Российской академии наук, (Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19), e-mail: nvzhilina@yandex.ru

About the author:

ZHILINA Natalja Viktorovna – The doctor of History, The Department of Medieval Archeology, The Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, (Russia, 117036, Moscow, Dmitrija Uljanova str., 19), e-mail: nvzhilina@yandex.ru

References

- Anichkov E.V., *Jazychestvo i Drevnjaja Rus'*, M., Indrik, 2003.
- Veletskaja N.N., *Jazycheskaja simbolika antropomorfnoj ritual'noj skul'ptury (k voprosu o genezise i transformatsii atributov v slavyano-balkanskikh ritual'nykh dejstvakh)*, Kul'tura i iskusstvo srednevekovogo goroda, M., Nauka, 1984, S. 76–90.
- Vasilenko V.M., *Russkoe prikladnoe iskusstvo. Istoki I stanovlenie. I vek do nashej ery – XIII vek nashej ery*, M., Iskusstvo, 1977.
- Gejshtor A., *Mifoloija slavjan*, M., Ves' mir, 2014.
- Darkevich V. P., *Muzykanty v iskusstve Rusi i veshchij Bojan*, “Slovo o polku Igoreve” i ego vremja, M., Nauka, 1985.
- Dintses L. A., *Drevnie cherty v russkom narodnom iskusstve*, Istotija kultury Drevnej Rusi, T. 2, M.; L., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951, S. 465–491.
- Zakharov S. D., *Drevnerusskij gorod Beloozero*, M., Indrik, 2004.

- Zelenin D. K., *Izbrannye Trudy. Statji po dukhovnoj culture 1934–1954 gg.*, M., Indrik, 2004.
- Karger M. K., *Zhivopis'*, Istorija kulture Drevnej Rusi, T. II, M.; L., Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. S. 341–395.
- Kolchin B. A., *Novgorodskie drebnosti. Reznoe derevo*, SAI. E1–55, M., Nauka, 1971.
- Livshits L. I., *Iskusstvo vostochnych slavjan*, Russkoe iskusstvo X–XVII vv., Tom 1., M., Trilistnik, 2000. S. 8–10.
- Molchanov A. A., *K voprosu o chudozhestvennykh osobnostjakh i portretnosti izobrazhenij na drevnejshikh russkikh monetakh*, Vestnik MGU, Serija IX, Istorija, 1973, № 3, S. 72–86.
- Petruchin V. Ja., *Dochrisrianskie drevnosti: po archeologicheskim materialam. IV–X veka*, Istorija Russkogo iskusstva. V 22 T. T. 1: Iskusstvo Kievskoj Rusi. IX – pervaja chetvert' XII veka. M., Severnyj palomnik, 2007. S. 39–79.
- Petruchin V. Ja., *Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvanija varyagov do vybora very*, M., FORUM, 2013.
- Rusanova I. P., Timoshchuk B. A., *Jazycheskie cyjatilishcha drevnikh slavjan*, M., Nauchno-issledovatel'skij archeologicheskij tsentr "ARChE" 1993.
- Rybakov B. A., *Jazychestvo drevnikh slavjan*, M., Nauka, 1981.
- Rybakov B. A., *Jazychestvo Drevnej Rusi*, M., Nauka, 1987.
- Sedov V. V., *Vostochnye slavjane v VI–XIII vv.*, M., Nauka, 1982.
- Sotnikova M. P., Spasskij I. G., *Tysjacheletie drevnejshikh monet Rossii. Svodnyj katalog russkikh monet X–XI vekov.*, L., Iskusstvo, 1983.
- Tokarev S. A., *Rannie formy religii*, M., Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1993.
- Yakovleva E.A., Salmina E.V., Korolyova E. V., *Pskov, Rus' v IX–X vekakh*, Arkheologicheskaja panorama, M., Vologda, Drevnosti Severa, 2012. S. 138–160.
- Vinokur I. S., *Istorija ta kultura chernjakhivskikh plemjon Dnistro-Dniprovsogo mezhirichchja II–V st. n.e.*, Kiyiv, Naukova Dumka, 1972.

Статья поступила в редакцию 21.11.2015 г.